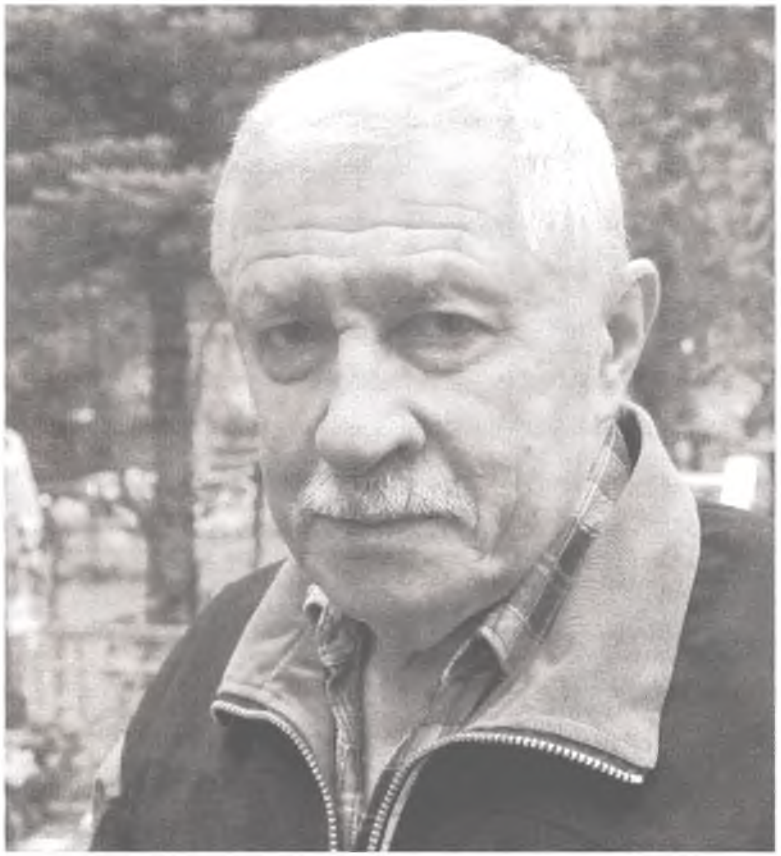
Воспоминания



С бывшим работником химического цеха ГСП «ЧАЭС» Николаем Анненковым мы встретились на территории славутичского кладбища, где члены профсоюзной общественной организацией неработающих пенсионеров, которую возглавляет Лидия Климова, проводили акцию по приведению в порядок могил безвременно ушедших из жизни своих товарищей и коллег – работников Чернобыльской атомной станции, участников ликвидации последствий аварии на четвертом энергоблоке.

В первые минуты пребывания рядом с работающими там пенсионерами, которые с любовью и какой-то особенной заботой выполняли эту работу, сердце наполнялось теплом и глубокой уверенностью в том, что на этих людей можно во всём положиться, что они стойко выдержат любую невзгоду и никогда не подведут товарищеское, профессиональное братство. Слушая их тихие разговоры между собой, очень захотелось услышать воспоминания о 1986 годе, когда произошла техногенная катастрофа на атомной станции и их жизнь, как и многих других, разделилась на **до** и **после** аварии. Моим собеседником и стал бывший работник химического цеха Чернобыльской атомной станции. И вон несколько его личных воспоминаний о тех страшных и трагических минутах.

– В те дни я работал по графику 4-й смены и утром 26 апреля вместе с женой и друзьями отдыхал на даче, а точнее – мы рано утром выехали туда. Нас немного удивило, что мы увидели тракторы с бочками, поливающими асфальт, это и раньше случалось, но это иногда было в жаркие пыльные дни, а утро тогда было не очень солнечным. И всё же мы на велосипедах отправились на дачу в район Чистогаловки. Второе наше удивление было вызвано тем фактом, что в выходные дни на даче было совсем немного людей. Через некоторое время на дачах стали появляться еще люди и вот тогда и прозвучала новость, что на станции произошла какая-то авария. Мы без особого волнения, ведь понятие «авария» для многих из нас было не новым – возможная остановка блока, что-то иное, приняли решение найти открытое пространство и посмотреть в сторону станции. Мы увидели поднимающийся дым и пар над четвертым энергоблоком. Не осознавая величины трагедии, мы все отправились домой, в Припять. Мы жили тогда на улице Лазарева, дом № 9, восьмой этаж. С нашего балкона я уже хорошо увидел дым. Стало понятно, что всё далеко непросто. Разносили таблетки, предупреждали, чтобы закрывали окна и форточки и так далее. 27 апреля я позвонил Евгению Михайловичу – он показал на работающего рядом Евгения Яшина, – которого должен был менять на рабочем месте в следующую смену, и сказал: «Все уезжают, а что мне делать, тоже уезжать?» Евгений Михайлович сказал, чтобы я был на смене. В ближайшие часы мы с ним стали свидетелями того, как некоторые наши товарищи всё-таки уехали, такие случаи были даже в моей смене. Я всегда говорю: «Бог им судья», но замечу, что когда формировался цех, уже после принятия окончательного решения о пуске станции, после проведения ремонтных и дезактивационных работ, большинство работников вернулось. Те, кто вернулся, объясняли свой отъезд тем, что по квартирам ходили люди и предупреждали, мол, подойдут автобусы и необходимо выехать из города. У нас ситуация была иная, мы с Евгением Михайловичем входили в оперативный руководящий состав и при любом состоянии блока не имели права самостоятельно покидать свое рабочее место. Таким образом, я вышел на смену. Руководство станции, принимая к сведению, что оперативный состав и начальники смен второй очереди облучились больше, приняло решение перевести их на первую очередь, а я, да и весь оперативный состав первой очереди, периодически ходили на вторую очередь для выполнения работ, контроля за аппаратурой и насосами «Гном», которые уже были установлены для раскачки минусовых отметок на емкости ХЖО (хранилища жидких отходов. – Авт.).

– А когда вы покинули Припять? Чем еще запомнились лично для вас первые дни после аварии? Проявлялись ли элементы страха у людей?

– Уходя на смену, я отвел жену к ее родителям и несколько недель ее не видел. Вместе с коллегами по смене мы отработали три смены и 30 мая нас отвезли в пионерский лагерь «Сказочный» в селе Иловница, где мы базировались. Какого-то особого страха у нас не было, но каждый человек реагировал по-своему. Вместе со мной вышла на смену аппаратчик химводоочистки, женщина, которая очень просилась ее отпустить, но я ее успокоил, так как сложилась сложная обстановка с запасами чистой воды в аварийных баках, которую использовали на охлаждение реактора, а точнее – его остатков. Нам приходилось задействовать пускорезервную котельную, которая давала нам пар на установку для выпаривания и очищения загрязненных вод, и потом мы их снова использовали. В первые дни нас возили специально оборудованными автобусами, но потом нас пересадили на военные БТРы, чтобы уменьшить получаемое облучение. Где-то 4–5мая я узнал, где моя семья и что моя жена продолжила работу в группе рабочего проектирования, ее подразделение базировалось в Чернобыле. Если говорить о том, что запомнилось, то, наверное, надо сказать о забытых документах в городской квартире в Припяти. После окончания энергетического техникума в Ростовской области я сразу был направлен в дирекцию строящейся Чернобыльской АЭС в 1970 году и поэтому верил в то, что через 3–4 дня мы вернемся домой. По-иному на события смотрели опытные атомщики, те, кто приехал работать на Чернобыльскую атомную из закрытых городков Томск-7, Челябинск-40 и других. Они понимали, что произошло трагическое событие и документы взяли с собой.

Период завершения строительства объекта «Укрытие» «Саркофага», был сродни победным дням Второй мировой. Четвертый блок был накрыт, радиация значительно упала, снова начали работать первые два блока. В 1988 году я получил двухкомнатную квартиру в Славутиче, можно сказать, что величина жилплощади сыграла свою роль в том, что мы остались жить и работать в Славутиче. В Киеве у нас была однокомнатная квартира. Я проработал на атомной станции до 10 сентября 2012 года и с должности заместителя начальника химического цеха по ремонту и технике безопасности ушел на пенсию.

Беседовал Николай БЕРЕЗКИН